

Алек Д

Редакционно-издательская группа
«Жанровая литература»
представляет книги
Алекса Д.

Инсайдер. Добро пожаловать в Розариум
Инсайдер. Последний секрет

Ламенто

Отражение

Офсайд
Офсайд. Контратака
Офсайд. Финал

 Призраки Орсини

По ту сторону от тебя
Аполлон

Алекс Д., Лана Мейер
(Не) только бизнес
(Не) строго бизнес

24 часа

Алекс Д

Призраки
Орсини

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А46

Оформление обложки — *Екатерина Соболевская*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Алекс Д.

А46 Призраки Орсини : [роман] / Алекс Д. — Москва : Издательство АСТ, 2022. — 384 с. — (Прочитай меня. Откровенный бестселлер).

ISBN 978-5-17-149394-3

Он давно разучился испытывать страх. Он жил по четко установленным планам и правилам, не позволяя себе испытывать жалость и сострадание, не думая о других. Он гордился своей непробиваемостью. Он считал себя не убийцей, а победителем, который делает то, что должен, пока одна юная девушка не показала ему его истинное лицо. Она стала его оазисом, мимолетным, как мираж, прекрасным, как мечта, и той самой слабостью, которую Дино Орсини не мог себе позволить.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-149394-3

© Алекс Д., 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

Пролог

*Удивительно, что может сделать один
луч солнца с душой человека!*

Ф. М. Достоевский

Никто не хотел бы оказаться здесь в эту минуту даже в качестве стороннего наблюдателя. И я сам... Но есть что-то внутри меня, взывающее к тому, что произойдет дальше. Я не могу сопротивляться, потому что знаю — после меня ждет период сравнительного покоя. Однажды, когда не останется мишеней, я смогу жить не оглядываясь назад.

Я открываю металлическую дверь бункера и уверенно захожу внутрь, оставляя свою охрану снаружи. Мне не нужны свидетели того, что я собираюсь сделать. Но им придется прибраться за мной. Мои люди давно научились ничему не удивляться и держать рот на замке. Все в этом мире, включая преданность и молчание, можно купить. Вопрос исключительно в цене.

Я не чувствую волнения. Всплеск адреналина внутри и мрачное предвкушение. Я хочу быть здесь, нуждаюсь. Мой собственный алтарь неизвестному богу, с которым мне однажды придется встретиться лицом к лицу, но я не раскаюсь. Не потому, что у меня нет совести, просто уровни веры и понимание справедливости у всех разные. Как и обстоятельства, которые приводят нас к тому или иному мировоззрению.

Яркий свет вспыхивает в замкнутом пространстве, пропитанном страхом человека, подвешенного за руки к железному крюку в потолке. Жирная, воняющая потом человеческая туша. Брезгливо морщусь, делая пару шагов в сторону узника, взирающего на меня налитыми кровью, безумными глазами. Я прошу не завязывать им глаза. Они должны видеть, кто приходит, чтобы забрать их мерзкие души. Но я не оставляю права на последнее слово. Я прихожу сюда не разговаривать. Однажды я уже говорил с ними, может быть даже умолял... Многих из них я практически забыл, их лица стерлись из памяти, что не отменяет совершенного ими.

Мужчина отчаянно дергается, натягивая цепи на запястьях, усугубляя свои мучения. Ноги не достают до пола, и я подозреваю, что за те несколько часов, что он висит здесь, надежды на освобождение у него не осталось. Хотя кого я пытаюсь обмануть? Надежда есть всегда. Мы все цепляемся за жизнь, даже когда слышим звук щелчка предохранителя перед выстрелом. За секунду до собственной смерти мы верим, что чудесное спасение придет, и оно действительно приходит. Ибо сама смерть является спасением... от жизни.

Я останавливаюсь в трех шагах от подвешенного, с отворачиванием окидываю его взглядом. Задранная рубашка с пятнами пота, жирный голый живот и брюки со следами пережитого ужаса. Пара часов в крошечной темноте, и этот герой, который искренне считал, что держит мир в своей липкой ладони с толстыми пальцами, униженными перстнями, обоссался от страха. Жалкое, воняющее зрелище. Он что-то пытается мычать в свой кляп, но я знаю все, что они хотели бы сказать. Деньги, выкуп, банальное «за что», «меня ищут» и так далее. Уверен, что обоссавшийся урод не понимает, почему оказался здесь, не узнает меня, и я не собираюсь посвящать его,

напоминать о преступлениях, которые он таковыми не считает.

Я мог бы нанять людей, которые сделают за меня грязную работу, именно так поступал Генри Лайтвуд, моя основная и поверженная мишень, которая давно гниет в могиле. Мне же необходимо видеть глаза приговоренного, видеть все грани боли и отчаянья, видеть, как последняя искра жизни уходит, оставляя застывшее недоумение и страх.

Я всматриваюсь в его лицо, пытаюсь вспомнить, но получается с трудом. На момент нашей с ним встречи мне было пятнадцать лет, и я постоянно находился под действием наркотических веществ. За полгода, которые я провел в притоне в Германии, таких, как этот жирный немец, уверенный в своей неуязвимости и безнаказанности, было немало. Мне, можно сказать, повезло, что владелец борделя, ныне покойный Штефан Зальцбург, вел отчетность, куда кропотливо вносились вымышленные, разумеется, имена клиентов и их заказы. Найти тех, кто указан в списке под кличками вроде «Терминатор», «Цезарь», «Дракула» или «Пахарь», оказалось сложной задачей, но, как я уже говорил, финансовые возможности и связи помогают справиться с любой проблемой.

Итак, передо мной Пахарь. Могу сказать со стопроцентной уверенностью, что свое он уже отпахал. Я не судья, чтобы выносить приговор, но я тот, кто когда-то просил его о пощаде. И, наверное, есть своеобразная справедливость в том, что сейчас я не дам ему права голоса, ни единого шанса избежать наказания.

Я не судья. Я — палач. И у меня нет ни капли сострадания. Ни грамма неуверенности. Ни единого сомнения в том, что я делаю.

Пахарь мычит в кляп, дергаясь своим толстым, лоснящимся от пота телом. Последний рывок, агония перед забвением, которое подарит ему моя милосердная рука.

Я не говорю ни слова, доставая из правого кармана пиджака пистолет, а из другого — шприц. Слова будут лишними в наших недолгих отношениях. Это последний выбор, который я даю уродам, перед тем как отправить их к праотцам.

Чаще всего они выбирают шприц, на что-то надеясь. Но выбор неверный... хотя мне нравится их долгая и болезненная агония.

Пахарь удивил меня, задержав взгляд на пистолете. Что ж, я не против. Яд в шприце приберегу для следующего... Я уже знаю, кто это будет. Подхожу ближе на шаг, резко срывая полоску скотча со рта жирного ублюдка, и когда он собирается заорать в полный голос, вставляю в рот ствол и нажимаю на спусковой крючок. Хлопок выстрела, и хриплый вопль дергающегося в предсмертных конвульсиях тела разносится по замкнутому пространству. Я закрываю глаза, бросая пистолет на залитый мочой и кровью пол.

Плюс один призрак к моей коллекции.

Когда-нибудь настанет и мой час. И все они придут, чтобы посмотреть мне в глаза, пока я буду делать свой выбор.

Но если я окажусь в подобной ситуации, я точно знаю, что выберу шприц. Я хочу понять, что чувствовал Генри Лайтвуд перед тем, как подохнуть. Хочу побыть в его шкуре, пропитаться его болью. Единственная смерть, которая не принесла мне удовлетворения, — это убийство Лайтвуда. Он запустил цепную реакцию, несмотря на то, что мой ад начался не с него. Может быть, причиной недовольства казнью Лайтвуда стало то, что палачей было двое, и я не смог насладиться моментом в полной

мере, разделив его с еще одним заклятым врагом Генри Лайтвуда — Джейсоном Доминником.

А он мог стать одним из моих призраков... Доминник. Но наша общая ненависть к Лайтвуду сделала нас почти братьями. Когда ты делишь с кем-то чужую смерть — это незабываемая и прочная связь.

Бросаю последний взгляд на обвисшее тело Пахаря, слушая, как монотонно капают капли крови в лужу под ним.

Смерть никогда не бывает красивой, но то чувство, с которым я покидаю бункер... оно почти прекрасно.

С улыбкой выхожу на воздух, не закрывая за собой дверь. Через полчаса ни единого свидетельства пребывания Пахаря в бункере не останется. Он исчезнет на какое-то время, а потом его тело найдут где-нибудь далеко от Нью-Йорка. Очередное нераскрытое дело.

Неспешной походкой направляюсь в сторону бронированного внедорожника. Сажусь на заднее сиденье, сообщая водителю маршрут. Неосознанно мои пальцы дотрагиваются до циферблата часов на запястье, и, отрывая взгляд от мелькающего пространства за окном, я смотрю на них почти с раздражением. Единственная вещь, которую я взял с места преступления.

Больше года назад я снял часы с остывшего трупа Лайтвуда и каждое утро надеваю на свое запястье, как напоминание о том, что мой главный враг повержен.

Acta est fabula. «Пьеса сыграна» — гласит гравировка на часах.

Мне хотелось в это верить, когда я планировал казнь Лайтвуда, но ничего не закончилось. И, может быть, не закончится никогда, пока я не убью каждого из списка, который вел Зальцбург, и пока на пути будут попадаться люди, нарушающие мои планы.

Через полчаса внедорожник въезжает на территорию моих частных владений, которые я приобрел сразу после гибели Генри. Не такие огромные, как те, в которых я жил во времена Лайтвуда, но зато абсолютно безопасные. Еще несколько минут по внутренней территории, и автомобиль тормозит на парковке перед трехэтажным белым жилым зданием с большими окнами. Я люблю уединение и много света. Очень много солнечного света.

Дом встречает меня тишиной. Еще бы — глубокая ночь. В воздухе витает едва различимый цитрусовый аромат женских духов.

Сбрасываю пиджак на диван в гостиной, направляясь к лестнице, которая ведет на спальный этаж. По дороге снимаю галстук, вдыхая, наконец, полной грудью.

Толкаю вторую дверь по коридору и оказываюсь в погруженной в уютный полумрак спальне. Андреа оставила включенным ночник возле кровати. Невольная улыбка трогает мои губы, когда я замечаю рядом со свернувшейся калачиком девушкой раскрытый учебник. Я совсем забыл, что у нее завтра экзамен. С ума сойти, связался с ребенком. Лайтвуд все-таки пустил во мне ростки своего безумия. Не понимаю, как так вышло. Видимо, сестры Памер обладают особой притягательностью для таких матерых хищников, как я и Джейсон. Как иначе объяснить происходящее?

Сажусь на край кровати, глядя на ее умиротворенный профиль. Вот кого не мучают кошмары. Она свободна от прошлого и призраков. Протягиваю руку, чтобы убрать локон, упавший на лицо, за маленькое аккуратное ушко, но застываю, заметив брызги крови на белоснежной манжете. Отдергиваю пальцы, не смея прикоснуться к Андреа. Внутри нарастает напряжение и тяжелое ощущение неправильности происходящего.

Она не должна здесь быть, а я не должен прикасаться к ней.

Не здесь и не сейчас, когда мои руки пахнут кровью.

И именно по этой причине бесшумно покидаю спальню, закрывая за собой дверь.

Спускаясь на кухню, сталкиваюсь со своим дворецким, которого ненароком разбудил своим поздним появлением.

— Андреа больше не пускать. Передайте ей, что я уехал в Европу. Когда вернусь — неизвестно, — отдаю я уверенный приказ. — И, если спросит, домой я сегодня не возвращался.

Автомобиль везет меня в гостиницу, где заблаговременно забронирован номер на такой вот случай. Не знаю, какого черта однажды пообещал Андреа, что она может приехать ко мне в любой день и в любое время, если ей захочется спрятаться от мира, от проблем или просто меня увидеть. Когда вчера она приехала утром, застав меня за завтраком, я не смог ее выгнать. Дреа выглядела такой хрупкой, несчастной, потерянной!..

— Сегодня год, как мы похоронили Марию, — прошептала она, бросая на пол рюкзак с учебниками. — Не могу пойти домой. Там родители... До сих пор кажется, что я виновата в чем-то.

Синие глаза, наполненные слезами, с мольбой уставились на меня, словно я мог помочь ей чем-то, утешить. Хреновый из меня утешитель, если честно.

— Кофе будешь? — спросил я первое, что пришло в голову.

— Угу, — шмыгнув носом, кивнула Андреа.

— Сама сваришь, мне нужно бежать.

И я уехал, чмокнув ее в кончик холодного носа на прощание, заметив обиженное выражение в глубине глаз.

Я торопился пополнить список своих призраков, а она хотела оплакивать со мной ту, которая могла бы быть в их числе...

Похороны — именно с них началось наше знакомство с Андреа. Наивная маленькая дурочка. Хотя заочно я узнал ее гораздо раньше, от Марии Александры Памер, старшей сестры Дреа. Не знаю, в какой момент мне пришла в голову идея использовать Андреа, чтобы заставить Лекси Памер играть по моим правилам, и был ли в этом хоть какой-то смысл. Без сомнения, я мог надавить на Лекси разными способами. Сломанная Джейсоном, она была легкой мишенью. Но я выбрал способ, который мне нравился больше, потому что... Черт побери, мне понравилась малышка Андреа! И то, как она смотрела на меня в тот самый первый день, когда после похорон друга семейства Памер я вызвался подвезти ее с матерью домой. Я сидел за рулем — редкое удовольствие, которое позволяю себе, когда хочу смешаться с толпой. Она сзади, во всем черном, с простой детской косичкой, бледная, заплаканная. Я даже внимания на нее особого не обратил. Девочка и девочка. А потом в зеркале я встретил ее взгляд и чуть управление не потерял, словно затерявшись на время в бескрайней чистой синеве.

Я видел много взглядов. Разных. Презрительных, завистливых, похотливых, ненавидящих, умоляющих. Я десятки раз смотрел в глаза смерти и давно перестал удивляться многообразию эмоций в расширившихся зрачках. Но Андреа смотрела на меня иначе. Как никто и никогда. Искренне, не скрывая своего потрясения и восхищения. Словно я был чем-то сверхъестественным и она никак не могла наглядеться, оторваться от меня. Так девочки-подростки смотрят на своих кумиров, обожая и боготворя.

И знаете... мне это понравилось.

ПРИЗРАКИ ОРСИНИ

Я бы хотел слукавить и сказать, что во мне взыграло тщеславие, но на самом деле все было не так. Я захотел ее с того первого перекрестного взгляда, и ее наивная доверчивость решила дальнейший ход событий. Мне даже делать ничего не пришлось.

Она сама вела себя к краю пропасти. А потом прыгнула...

Но там внизу ее ждала не бездна, не смерть.

Я.

ЧАСТЬ 1

Нет противостояния, нет войны между добром и злом, черным и белым, нет вражды. Это все есть наш мир, это все те, кто помогает этому миру двигаться вперед и вверх, развиваться, находить новые пути, познавать и учиться, созидать. Потому как, пока человек не упадет, он не встанет. Пока человек не умрет, он не поймет, что такое жизнь. Пока человек не спустится в Ад, он не поднимется в Рай.

Глава 1

Год назад

Моей первой женщиной была... не помню ее имени. Но первой, которая оставила определенный след в душе, стала Мирель Фармер. Французская актриса, которая была старше меня на семь лет. Семнадцатилетний подросток — я влюбился в нее без памяти и, наплевав на грозящего мне жестоким наказанием Лайтвуда, пустился во все тяжкие, колеся за ней по миру, как ручная собачонка. Ей льстила моя влюбленность, и я не скупился на подарки. Что преобладало в ее благосклонности ко мне — моя страсть или финансовые поощрения? Я так и не узнал. Но тогда, ослепленный новыми чувствами, я не был способен думать и анализировать. Просто жил, дышал. Был счастливым. Недолгое время, но по-настоящему был счастливым. Я благодарен ей за те несколько месяцев.

А вот она, если бы была сейчас жива, предпочла бы никогда меня не встретить.

Моей вины не было, скажет сторонний наблюдатель. Но это неправда. Она будет первым призраком, который придет, чтобы взглянуть в мои глаза, когда я буду подыхать. Я не мог не понимать, что подвергаю ее опасности, не думая о последствиях нашей связи. Лайтвуд не из тех, кто дает пустые обещания. Я тогда принадлежал ему. Целиком и полностью. Личная игрушка, которая вышла из-под контроля. Именно я спустил пса с цепи... Хотя в глубине души я надеялся, что мой роман откроет глаза Лайтвуду на то, что я не тот, кого он хочет видеть рядом с собой, что я вырос, переступил возрастной рубеж, после которого извращенцу вроде него становится неинтересно, и он может искать другие развлечения... Но сукин сын был удивительно постоянен в своем пристрастии ко мне.

Однажды мы с Мирель остановились на пару недель в Милане, где она снималась в эпизодической роли. Было как обычно — весело, безумно и бездумно... Мы много гуляли, спустили деньги в казино, болтались по клубам. Мне кажется, что ни одного дня из нашего романа мы не провели трезвыми. Свобода имела аромат виски и марихуаны. И терпкий, приторно-сладкий запах духов Мирель.

Но только немного позже я познал настоящий аромат свободы.

В один из наших сумасшедших вечеров я отправился в бар за выпивкой, оставив Мирель в номере, а вернувшись, нашел ее в ванной... с перерезанными венами. Ярко-алая вода переливалась через край и лилась мне под ноги розовыми ручьями.

Я смотрел на ее неестественно застывшее лицо, перекосенное гримасой ужаса, на посиневшие руки, без-